

Эрин
Груэлл
и ее ученики

ПИСАТЕЛИ
СВОБОДЫ

Как 150 «трудных»
подростков
и учительница
бросили вызов
стереотипам

18+

МИФ Подростки

Эрин Груэлл

**Писатели свободы. Как
150 «трудных» подростков
и учительница бросили
вызов стереотипам**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44

Груэлл Э.

Писатели свободы. Как 150 «трудных» подростков и учительница бросили вызов стереотипам / Э. Груэлл — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», — (МИФ Подростки)

ISBN 978-5-00-169129-7

Молодой учительнице Эрин Груэлл достался трудный класс, на который остальные давно махнули рукой. Проявляя любовь и поддержку, она помогла подросткам рассказать свои истории и побороться за новое будущее. Книга предназначена для лиц старше 18 лет. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-00-169129-7

© Груэлл Э.
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ)

Содержание

Информация от издательства	5
Предисловие Златы Филипович	6
Первый учебный год, осень 1994 г.	9
Запись № 1 / Из дневника мисс Груэлл	9
Дневник 1. Первый день в школе	13
Дневник 2. Единственный белый парень	15
Дневник 3. До меня докопались	16
Дневник 4. Беспорядки на школьной территории	18
Дневник 5. Покупка ствола	19
Дневник 6. Смерть друга	21
Дневник 7. Принятие в банду	23
Дневник 8. Женский клуб: обряд посвящения	24
Дневник 9. Тэггинг	26
Дневник 10. Поправка 187: дискриминация	27
Дневник 11. Дислексия	28
Дневник 12. Центр временного содержания	30
Дневник 13. Неблагополучные районы	32
Дневник 14. Русская рулетка	33
Первый учебный год, весна 1995 г.	35
Запись № 2 / Из дневника мисс Груэлл	35
Дневник 15. «Ромео и Джульетта»: вражда банд	38
Дневник 16. Подростковая любовь и побег	39
Дневник 17. Проблемы лишнего веса	41
Дневник 18. Уроки многообразия	43
Дневник 19. Теракт в Оклахоме	44
Дневник 20. «Прощание с Манзанаром»: лагеря для интернированных японцев	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эрин Груэлл и ее ученики Писатели свободы. Как 150 «трудных» подростков и учительница бросили вызов стереотипам

Информация от издательства

Перевод выполнен с оригинального издания *The Freedom Writers Diary: How a Teacher and 150 Teens Used Writing to Change Themselves and the Whole World Around Them – 20th Anniversary Edition*

Издано с разрешения *Random House, a division of Penguin Random House LLC*

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

This translation published by arrangement with Broadway Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

Перевод, издание на русском языке, оформление

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

*Посвящается нашей замечательной учительнице мисс Груэлл,
которая научила нас верить в себя;
Анне Франк,
которая вдохновляла нас писать;
нашей подруге Злате,
которая передала нам эстафету;
участникам правозащитного движения «Пассажиры
свободы» (Freedom Riders),
которые проторили нам путь;
а также детям всего мира,
жизнь которых отнята бессмысленным насилием,
но дух по-прежнему жив.*

203

Предисловие Златы Филипович

Когда ко мне обратились с просьбой написать предисловие к книге «Писателей свободы», для меня, признаться, это стало огромной честью и поводом для гордости. В то же время я изумилась тому, как много удивительного может случиться за столь короткий срок.

Я познакомилась с учениками школы Уилсон-Хай в марте 1996 года, когда благодаря своей преданности делу, усилиям и энтузиазму они добились приглашения в город Лонг-Бич, Калифорния, для моих родителей, Мирны (моей лучшей подруги из Боснии, которая в то время жила у нас) и меня. Встретившись с ними, я была тронута их душевным теплом и добротой. Будучи подростками, как и я, они, подобно молодежи всего мира, обладали поразительным потенциалом – способностью вырасти и стать поистине замечательными людьми, лидерами, вдохновляющими других.

Эти школьники и их учительница Эрин Груэлл прочитали «Дневник Анны Франк» и мою книгу «Дневник Златы: жизнь ребенка в Сараеве» (и много других книг), и это чтение побудило их начать вести собственные дневники. Они объединились и решили сделать нечто особенное, запоминающееся, впечатляющее и человеческое. От привычки делать все спустя рукава, как раньше, они предпочли избавиться и принялись писать, творить, бороться со стереотипами и оправдывать звание истинных «Писателей свободы». Я чрезвычайно горда и счастлива, что мне представился случай познакомиться с ними и сыграть некую роль в «становлении» их как человеческих существ.

Собственный дневник я начала вести еще до войны в Боснии, потому что хотела сохранить память о своем детстве, создать то, к чему могла бы возвращаться, чтобы смеяться, плакать и вспоминать. Мне хотелось увидеть, как в том, что я пишу, просматривается мое взросление. Некоторые из моих старших подруг вели дневники, и я, прочитав записи Анны Франк и Адриана Моула, окончательно убедилась: это то, что мне нужно. Мне и в голову не приходило, что мой дневник опубликуют. И уж конечно, я не ожидала, что в нем будет описана война. Я и представить себе не могла, что мое детство оборвется так внезапно. Все это казалось невысказанным, об этом не думалось, потому что человеческой природе свойственно верить, будто «плохое» происходит только с другими, а не с нами. А когда беда постигает нас, мы вдруг обнаруживаем, что удивлены, растеряны, испуганы, злы и опечалены.

Когда началась боснийская война со всеми ее ужасами и разрушила мое счастливое и беззаботное детство, дневник стал для меня не просто тетрадкой для описания повседневных событий. Он превратился в друга; бумага, из которой он был сделан, охотно и с готовностью принимала все, что мне требовалось высказать; он выдерживал мой страх, мои вопросы и мою печаль. Я открыла для себя красоту письменного слова, когда можно излиться в великую белую пустоту и наполнить ее эмоциями и мыслями, чтобы они остались там навсегда. Писать я продолжала почти два года войны; мои записи стали чем-то вроде психотерапии, помогающей справиться с тем, что происходило вокруг.

Я вижу аналогию между «Писателями свободы» и мной, потому что все мы подвергались воздействию таких элементов нашего окружения, которые могли заставить нас почувствовать себя жертвами. Жизнь приносит как хорошее, так и плохое, люди печалются и радуются у себя дома, в кругу семьи, в школе и на улице. Порой мы страдаем потому, что слишком многое вокруг не зависит от нас: цвет кожи, бедность, религия, ситуация в семье, война. Было бы легко назвать себя жертвой обстоятельств и продолжить печалиться, бояться или злиться. Но можно сделать другой выбор: разобраться с несправедливостью по-человечески, разорвать цепь негативных мыслей и энергии, не позволить себе втянуться в нее. Когда мы пишем о том, что происходит с нами, это дает нам возможность беспристрастно взглянуть на все, что творится

вокруг, и превратить негативный опыт в нечто позитивное и полезное. Этот процесс требует большого труда, усилий и великодушия, но он возможен, и «Писатели свободы» доказали это – они выбрали трудный, но эффективный путь.

После того как я покинула Боснию, война продолжалась, и, как мы все видели, подобное происходило и в Косове. Меня спрашивали, что я об этом думаю, а я могла сказать только одно – что я страшно расстроена. Сегодня почти всем молодым жителям бывшей Югославии известно, какой звук издают бомбы, каково сидеть в подвале или терпеть отсутствие воды, электричества или крыши над головой. Эти дети и молодые люди не в состоянии ничего поделать с ситуацией, в которую попали. Я надеюсь только, что гнев, ненависть и грусть, которые они испытывают, не останутся подавленными у них внутри и что они смогут преодолеть свой жизненный опыт. Потому что если они вырастут, затаив в себе такие страшные чувства, то это приведет к очередной войне в будущем, когда судьба страны окажется в их руках. Вот почему я верю: все, что преодолели и чего достигли «Писатели свободы», чрезвычайно важно и достойно уважения. Если бы они решили заикнуться на гнев и ярости, которые окружали их в той среде, где они жили, семена ненависти и страха проросли бы в них и история повторилась бы с их детьми в будущем. «Писатели свободы» решили разорвать порочный круг и сделать свой позитивный опыт уроком для будущих поколений.

И конечно, я всегда буду с глубоким уважением и восхищением относиться к наставнице «Писателей свободы», их другу и учителю Эрин Груэлл, с которой дружу и сама. Она не хочет, чтобы ее хвалили или приписывали ей все то замечательное, что исходило из класса 203 школы Уилсон-Хай, но она заслужила похвалы. Эрин была (и по-прежнему остается) для «Писателей свободы» не просто учителем. Она заменяла родителей тем, у кого их не было, или тем, кто не мог прийти к взаимопониманию в семье. Она стала старшим другом, с которым весело проводить время, но вместе с тем оставалась всецело преданной своим «детям», заботилась о них и боролась за каждого из них. Она подарила им свои знания, упорство и любовь и коренным образом изменила жизнь своих учеников. Они могли бы остаться «способными, но ленивыми», соответствуя ярлыку, приклеенному на них до того, как они попали в ее класс. Но всего за несколько лет Эрин кардинально изменила ситуацию и создала спокойную, безопасную обстановку, в которой ученики смогли вырасти, расцвести и стать прекрасными людьми. Эрин превратила их в писателей и даже, не побоюсь этих слов, в исторических личностей. Многие учителя дорожат личным временем, оставшимся от уроков, но Эрин отдавалась работе целиком и полностью. Она поставила себе цель помогать своим ученикам получать знания, замечать несправедливость и указала им оружие для борьбы с нетерпимостью (таким оружием стали перо, знания, твердая вера и непреклонная решимость). И наконец, Эрин научила их, как занять место в мире, принадлежащее им по праву. Я знаю: ученики будут помнить ее до конца своих дней, и не без причины. Хотелось бы мне, чтобы учителя повсюду были такими же, как она, потому что тогда мир стал бы гораздо лучше. Я всегда повторяю, что молодежь – это будущее мира, и если мы начнем с нее, если будем учить молодых людей и развивать в них чувство терпимости, наше будущее и будущее планеты окажется в надежных руках на много поколений вперед.

Сколько добра может получиться из худа? Я – наглядный пример. Я была маленькой счастливой девочкой из Сараева, когда в нашей стране разразилась война. И вдруг я обнаружила, что мне есть что сказать и что я могу повлиять на мир. Я не желала такой ответственности – я хотела бы, чтобы мой дневник никогда не был опубликован. Если бы не война, у меня не было бы причин делиться им со всем миром. Но даже это привело к чему-то хорошему.

Дневник Анны Франк вдохновил весь мир, ее трагедия обернулась ростками добра. Благодаря силе духа Анна держалась так долго, как только могла, и впоследствии удостоилась при-

знания от миллионов людей разного возраста. Величие тех, кого больше нет с нами, продолжает, к счастью, вести за собой и вдохновлять тех, кого они оставили после себя.

Мой дневник отчасти воодушевил «Писателей свободы» и, возможно, других людей, побудил их начать собственные дневники и изменить ситуацию, в которой они оказались. Я слышала, как люди говорят: важно не столько то, что происходит с нами, сколько то, как мы справляемся с происходящим, – и «Писатели свободы» наглядный тому пример. Они могли принять решение ответить расизмом на расизм, ненавистью – на ненависть, болью – на боль. Но они не стали. Если все мы поступим так же, как «Писатели свободы», примем решение по-человечески справляться с нечеловеческими ситуациями, мы преобразим окружающий мир и преподадим позитивные уроки самим себе и остальным.

К сожалению, я убедилась, что мы не в состоянии полностью искоренить все зло, какое есть в мире. Но мы можем изменить способ, которым справляемся с ним, – можем стать выше этого зла и быть сильными и верными себе. И самое важное – мы можем вдохновлять других, что и делает нас человеческими существами и приносит нам бессмертие. Надеюсь, эта книга вдохновит читателей вести собственные дневники, писать рассказы, стихи, книги, искоренять предрассудки и выбирать позитивные способы борьбы с ними, усваивать новые уроки и делиться знаниями с другими людьми. Все это остается на ваше усмотрение, читатель, а я желаю вам удачи.

Дублин, июль 1999 года

Первый учебный год, осень 1994 г.

Запись № 1 / Из дневника мисс Груэлл

Дорогой дневник,

завтра утром официально начнется мой путь учителя английского языка. Поскольку первое впечатление очень важно, интересно, что подумают обо мне мои ученики. Что я далека от их мира или слишком уж благополучна? Или, хуже того, что я чересчур молода, поэтому не примут меня всерьез? Пожалуй, попрошу-ка я их написать в дневниках о своих ожиданиях от меня и от класса.

Хоть я и провела в школе Уилсон-Хай весь прошлый год в качестве учителя-практиканта, в городе до сих пор еще толком не освоилась. Лонг-Бич разительно отличается от закрытого коттеджного поселка, в котором я выросла. Благодаря MTV, который окрестил Лонг-Бич «столицей гангста-рэпа», и красочным описаниям оружия и граффити, у моих друзей сложились искаженные представления об этом городе, или «Эл-Би-Си», как именуют его рэперы. Друзья считают, что мне следовало бы носить бронежилет, а не жемчуга. Ньюпорт-Бич, где я живу, – утопия по сравнению с районами, которые показывают в видеоклипах Снуп Догги Дога. Однако телевидению свойственно делать из мухи слона.

На самом деле школа находится в тихом месте, всего в нескольких милях от океана. Благодаря расположению и репутации она пользуется популярностью. Причем настолько, что множество учеников, живущих, как они сами выражаются, «на раёне», ежедневно добираются сюда с двумя-тремя пересадками. Ученики съезжаются со всех концов города: дети из богатых семей с побережья сидят рядом с детьми бедняков из неблагополучных кварталов... В пределах школьного двора найдутся представители всех рас, религий и культур. Но еще со времен беспорядков из-за приговора Родни Кингу до школы докатилась межрасовая напряженность.

Из-за автобусных перевозок и активности преступных группировок демографический облик Уилсон-Хай изменился кардинально. Раньше в нем преобладали белые из высших слоев общества, теперь большинство учащихся – афроамериканцы, латиноамериканцы и азиаты.

В прошлом году я, практикантка, была довольно-таки наивной. Мне хотелось не придавать значения этнической и культурной принадлежности учеников, однако с тем и с другим пришлось столкнуться сразу же, как только прозвенел мой первый практикантский звонок и ученик по имени Шарод явился в класс, постукивая об пол баскетбольным мячом. Он был новичком, недавно переведенным за нарушения дисциплины с другого конца города – из школы, аналогичной Уилсон-Хай, и дурная слава обгоняла его. Говорили, что своему прежнему учителю английского он угрожал пистолетом (позднее я узнала, что пластмассовым и водяным, но вполне пригодным для эффектного конфликта). В первые же несколько минут он предельно откровенно дал понять, что ненавидит Уилсон-Хай, английский и меня заодно. Его единственной целью было довести до слез практикантку «из богатеньких». Он и не подозревал, что через месяц лить слезы придется ему.

Шарод стал предметом насмешек. Один из одноклассников, которому надоели выходки Шарода, нарисовал на него расистскую карикатуру с гигантскими, преувеличенно выпяченными губами. Рисунок переходил по классу из рук в руки, ученики покатывались со смеху. Когда рисунок увидел Шарод, вид у него был такой, будто он готов расплакаться. Впервые его маска крутизны дала трещину.

Завладев рисунком, я вскипела:

– Вот как раз к такой пропаганде и прибегали нацисты во время холокоста! – выкрикнула я. И была потрясена, когда кто-то из учеников робко спросил:

– А что такое холокост?

Я задала вопрос:

– Кто из вас слышал о холокосте?

Руку не поднял никто. Тогда я задала другой вопрос:

– В кого из вас стреляли?

Руки подняли почти все.

И я сразу решила плюнуть на свои тщательно составленные планы уроков и сделать стержнем моей учебной программы толерантность.

С тех пор я старалась придать истории наглядность с помощью новых книг, бесед с особыми гостями и экскурсий. Поскольку я оставалась практиканткой, средств на все это у меня не было. По вечерам я подрабатывала портье в отеле «Марриотт» и продавала нижнее белье в «Нордстроме». Отец даже спрашивал меня: «Почему ты не можешь быть просто нормальным учителем?»

*Если фильм имеет успех,
принято считать успех,
а если масса превосходит всеоб-
щие ожидания, его...
...расоруживают!*

Вообще-то после первого казуса у меня время от времени мелькали мысли, что стать «нормальным учителем» не так уж и плохо. Я возила своих учеников смотреть «Список

Шиндлера» в Ньюпорт-Бич – кинотеатр, куда обычно ходят состоятельные белые люди. И была поражена, увидев, как женщины в страхе хватались за свои жемчуга и прижимали к себе сумочки. Одна местная газета отвела этому инциденту первую полосу, рассказывая, какого приема удостоились мои ученики, после чего на меня посыпались угрозы. Один из моих разгневанных соседей имел наглость заявить: «Если вы так любите черных, может, еще и выйдете замуж за обезьяну?»

Столько драмы, а я еще даже не успела получить учительский диплом! К счастью, несколько моих преподавателей из Калифорнийского университета в Ирвайне прочитали эту статью и пригласили мой класс на семинар Томаса Кенилли – автора «Списка Шиндлера». Мои ученики произвели на него такое впечатление, что через несколько дней мы получили приглашение на встречу со Стивеном Спилбергом в Universal Studios. Я не верила своим глазам! Знаменитый режиссер пожелал встретиться с классом, который я называла «разноцветным, как коробка мелков для рисования», и их «начинающей учительницей, которая гонит волну». Он изумился, увидев, какой длинный путь проделали эти «необучаемые» ребята с начала их первого учебного года и какой сплоченной группой стали. Он даже спросил Шарода, что «мы» собираемся делать в следующем году. Ведь если фильм имеет успех, принято снимать сиквел, а если класс превосходит всеобщие ожидания, его...

...расформировывают! Да, именно это и произошло. После возвращения со студии Universal глава отделения английского языка заявила: «Из-за вас мы предстаем в плохом свете». Вот так и слетели мои розовые очки! Каким образом я могла представить их в плохом свете? Ведь речь шла о тех самых детях, которые «не продержатся в школе и месяца» или «слишком тупы», чтобы читать книги по углубленной программе.

Она продолжала: «Здесь в основе всего лежит преимущество по старшинству». Другими словами, я должна радоваться тому, что вообще получила работу, а рассчитывать, что мне дадут вести класс Шарода и его товарищей еще один год, – это уже чересчур. Вместо этого мне предстояло учить первогодок из группы риска. Хм... Совсем не то, на что я надеялась.

Так что с завтрашнего дня предстоит начать все заново. Но я убеждена: если смог измениться Шарод, значит, сможет каждый. В общем-то мне надо подготовиться к встрече с целым классом Шародов. Если его я смогла расположить к себе за месяц... Интересно, сколько времени уйдет на целую ораву дерзких четырнадцатилеток?

Примечание «Писателей свободы»

Все подростки сыграли решающую роль в подготовке записей из дневника: вычитывали их, правили, подбадривали друг друга. Чтобы сохранить анонимность и подчеркнуть всеобщий характер нашего опыта, мы решили не подписывать записи именами, а нумеровать.

Ученики делились подробностями своей жизни откровенно, ничего не утаивая.

Дневник 1. Первый день в школе

Дорогой дневник,

мне всегда казалось, что «странный» – слово из восьми букв, а сегодня выяснилось, что их в нем всего шесть, и сами буквы другие – «Гру-элл». Моя новая учительница английского какая-то инопланетянка. Интересно, как ей досталась эта работа. Администрации следовало понять, что не стоит доверять ей эти уроки, а ей не стоило соглашаться. Как она справится с четырьмя классами, полными отбросов этой школы? Большинство здесь вообще сомневаются, что мы умеем хотя бы читать или писать.

Она, наверное, водит новенькую машину, живет в трехэтажном доме и туфель у нее пар пятьсот. По-моему, ей самое место в классе напротив, у «одаренных учеников». Да, туда бы она вписалась – она и все эти якобы одаренные белые детишки, которые считают себя лучше остальных. К нам она заявила с видом «я очень милая, и мне не все равно». Но этот номер не пройдет. Мы же все до единого понимаем: она будет относиться к нам как все остальные. А хуже всего, что я знаю почти наверняка: она думает, что если кто-то и сумеет переделать нас, так это она. Только она одна, «слишком молодая и слишком белая, чтобы работать здесь», возьмет и перевоспитает безнадежных «кандидатов на вылет», ребят «с раёна».

*Моя новая учительница
английского – какая-то
инопланетянка*

Не буду отрицать, наш класс в самом деле похож на дрянной повтор «Копов», и свидетельств тому у нее наверняка полно. Она, наверное, рассадит нас в алфавитном порядке, чтобы избежать ссор. Должно быть, прямо сейчас и решает, кого куда. Ручаюсь, для нее все мы «ниже среднего» – когда она получала свой диплом, никто не предупреждал, что ей достанутся такие ученики. Но, честно говоря, кое-кому из этих болванов не мешало бы поменять отношение.

Почти все эти нигеры ходят при стволах и всегда готовы пальнуть. И черта с два они попадутся, в этих своих штанах мешком: мы с друзьями вшестером в одни такие влезем. В них базуку можно спрятать, и никто не заметит.

По-моему, кое-кому в этом классе вообще не место – вон в углу белый парень глядит в свое расписание, все еще надеется, что не туда попал. Всю жизнь он был частью большинства, но едва переступил порог, как оказался в меньшинстве. Здесь белая кожа не принесет ему привилегий. На него глазуют почти все, а кто не глазует, тот просто считает, что он или тупой, или прогулял тот день, когда надо было проходить тест на способности к обучению.

А есть еще такие, как я, – мы посередине. Не крутышки, но уж точно не ботаны. Ума не приложу, как меня занесло в этот класс. Точно не в наказание. И хоть английский для меня не родной, я точно знаю – мне здесь не место.

Мне уже ясно, что будет дальше: нам навяжут какую-нибудь толстенную второсортную книжку на английском, первая же страница которой надежно усыпит нас. С другой стороны, с таким классом ей наверняка будет что вписать в резюме. Интересно, долго ли она вытерпит этих уроков: даже мне охота свинтить отсюда. Ручаюсь, на днях она заявится прямо к директору, чтобы отпроситься, – тоже мне новость.

«Эти ребята доведут нашу дамочку до увольнения в первую же неделю», – говорили мои друзья. И кто-то добавил: «Она и дня не продержится».

Даю ей месяц.

Дневник 2. Единственный белый парень

какого черта я делаю *здесь*? На этом уроке английского я единственный белый! Сажу в углу класса (если можно так назвать этот бардак), гляжу в расписание и думаю: «Меня что, правда определили сюда?» Ладно, я понимаю, что в старших классах полагается встречаться с самым разным народом, но мне казалось, это будет выглядеть как-то иначе. Чисто мое «везение»: я угодил в класс, полный трудных подростков, которых возят в школу автобусами из неблагополучных районов. С этими отверженными я в самом деле чувствую себя не в своей тарелке. Здесь даже стульев не хватает. Моя учительница, мисс Груэлл, молода и решительна, но этот класс неуправляем, и ее, ручаюсь, надолго не хватит.

Школьное начальство само напросилось на неприятности, собрав этих ребят в одном классе. Того и гляди грянет катастрофа.

Перед уроком я обедал в школьном дворе и заметил, что здесь, как везде, все разбилось по расовой принадлежности. У каждой расы свой угол, никто ни с кем не смешивается. Все, в том числе и я, обедают с себе подобными – и точка. У каждого угла свое название: в «Бeverли-Хиллс» или «Диснейленде» тусуют белые и богатенькие. Есть еще «Чайна-таун» – там азиаты. Место, которое обычно занимают латиносы, называют или «Тихуана-таун», или «Бегом к границе». А у черных свое «Да гетто». Есть и парад уродов среди двора: обычно середину оставляют для наркош, их так и зовут – торчки, и там же собираются готы. Судя по тому, что творится вокруг меня, в классе принято то же разделение, что и во дворе.

Все мои друзья – в классе для одаренных, дверь напротив через коридор. Почти все белые. Там меня если кто и беспокоит, так это по-настоящему крутые и популярные, которые считают, что они лучше всех. В остальном среди своих мне ничто не угрожает. А здесь уже ясно, что предстоит борьба за выживание. И я жду, что ко мне вот-вот прицепятся.

Надо поскорее свалить из этого класса в другой, напротив, к моим друзьям. Сразу же после уроков попробую уговорить своего куратора перевести меня отсюда. Буду врать и уверять, что компьютер ошибся и что мое место – с одаренными, хоть по английскому я не тяну и у меня трудности с обучением. Она мне точно поверит, я же белый.

Не нравится мне этот галдеж. Просто хочу выбраться отсюда. Скорее бы звонок. Ни минуты лишней здесь не задержусь. А если останусь здесь, будет одно из двух: или меня уроют, или я сдохну от скуки.

Дневник 3. До меня докопались

«Твою ж мать!» – только и мелькнуло в голове, когда эти тупые уроды направились ко мне сегодня после уроков. Стало ясно, что сейчас я огребу, ведь против меня три парня и две девки. Не то чтобы было страшно или еще что. Не впервые – и уж точно не в последний раз. Но сегодня-то с чего? Первый школьный день, нет у меня никакого желания разгрести это дерьмо!

Правильно мне не хотелось в эту школу. Мой инспектор из надзора довольный такой, считает себя прямо экспертом по бандам. Этот придурок правда думает, что проблемы Лонг-Бич в Уилсон-Хай меня не коснутся. Будь моя воля, я бы в школу ни ногой, но он пригрозил: мол, или Уилсон, или колония. По всем прикидкам выходило, что спокойнее будет вернуться в школу.

Инспектор еще не допер, что в школе совсем как в городе, а в городе – точно как в тюрьме. Все они разделены на группировки по расам. На улицах сшибаешься с теми, кто из другого района, смотря по расе или откуда ты. А в школе сторонишься тех, кто не такой, как ты. Вот так все и устроено, и всем нам это ясно. Так что когда азиаты пытались было захватить часть района, мы их просветили. Растволковали им, кто такие ОГ, то есть «оригинальные гангстеры». Мы эти самые ОГ и есть. И, как уже было сказано, так во всем. Того и гляди, прицепятся мелкие выскочки в школе и давай требовать уважения, которого вообще еще не заслужили.

Потому они и психанули, когда докопались до меня, – вот еще, стану я перед ними пресмыкаться. Оглядываю их сверху вниз и снизу вверх, ржу, умолкаю, потом говорю: *Mi barrio es primero*¹. Стою посреди двора и думаю, как они похожи на тех людей, которых ненавидят. И шмот у них точно как у нас, и ведут себя так же, и хотят территорию, которой владеем мы. Потому-то у меня и нет уважения ни к ним, ни к этому их баррио, за который они готовы умереть. Не понимаю даже, почему они до меня докопались, спрашивали, откуда я. Кретины, могли бы и догадаться, что бывает, когда нас достают: мы психанем – и все, такой начнется ад, что мало не покажется.

Латиносы мочат азиатов. Азиаты мочат латиносов. Не с теми они воюют. Сейчас все сводится к тому, как выглядишь. Если похож на азиата или латиноса, тебе достанется или на тебя хотя бы наедут. Война объявлена, теперь идет драка за власть, деньги и территорию. Мы убиваем друг друга из-за расы, гордости и уважения. Это они развязали войну в нашем Ацтлане – земле, которая принадлежит нам по праву, и по тому же праву мы их закопаем.

Пусть думают, что победили, пусть пока наезжают на меня – очень скоро им всем кранты!

¹ «Мой район первый». Прим. ред.

Война объявлена, теперь идет
драка за власть, деньги
и территорию.
Мы убиваем друг друга из-за расы,
гордости и уважения

Дневник 4. Беспорядки на школьной территории

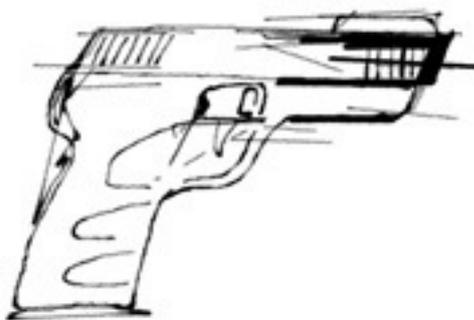
Дорогой дневник,

блин! Вторая неделя учебы, а я уже нарвался из-за тех, с кем подвисяю. Сегодня вспыхнула драка. Не знаю, с чего все началось, слишком быстро это вышло. Говорят, одну первогодку загнобили пару дней назад, и ее банда задумала расквитаться. Я слышал, вроде даже собирались притащить с собой в школу биты. Как раз когда я тусил с друзьями, все и началось, ну и как всем остальным, мне захотелось посмотреть вблизи. Вот я и подходил ближе и ближе, пока не оказался слишком близко. И не успел увернуться, как мне в лицо прилетел кулак. А что полагается делать, если тебе вмазали? Вмазать в ответ.

Казалось, несколько часов прошло (хотя на самом деле наверняка минут), а драка только сильнее становилась. К тому времени мне расквасили нос, но, если не считать пары синяков, я держался, то есть не валялся и меня не дубасили почем зря. Потом кто-то крикнул: «Шухер!» И тут будто включили замедленную съемку, как в дешевой киношке про кунг-фу с паршивой озвучкой. Мне врезали футбольным шлемом, я отрубился. А когда очухался, все орало: «Драпай, драпай!» Драпай? С чего вдруг? И тут я увидел, что к месту драки несется половина школьного персонала. Я не собирался застревать здесь, чтобы меня же во всем и обвинили, вскочил и дал деру.

Обидно, когда приходится удирать, хотя ты ни в чем не виноват. Но я же мексиканец, а мексиканцев втянули в эту дурацкую межрасовую войну; и я так прикинул, что никто меня не станет слушать, что бы я там ни говорил. Человек я неплохой, но из-за друзей на меня валят дерьмо, к которому я никаким боком.

Без понятия, как я продержался до конца занятий в тот день. Черт, да я не знаю даже, как попал на следующий урок. Я ничего не видел толком и ходил с трудом. Знаю только одно: после сегодняшней драки дерьмо разлетится по улицам Лонг-Бич.

Дневник 5. Покупка ствола

для многих это начало нового дня, а для меня – продолжение кошмара. Каждый день перед уходом мама крестит меня и молится о моем благополучном возвращении.

Дорога в школу полбеда, потому что тогда город еще спит, но дорога домой – совсем другое дело. Мне четырнадцать. Многие считают, что мне положено быть запуганным, потому что я окружен насилием со всех сторон, но здесь это норма. Первое, что я вижу при выходе из автобуса, – граффити на стенах и мусорные урны, забитые пивными бутылками, пустыми сигаретными пачками и шприцами.

Пока я иду домой, за мной гоняются кретины постарше с битами и ножами. Я пробую разные дороги, но меня всегда замечают и кидаются следом. Поначалу я не понимал, почему за мной вечно охотятся, а потом догадался: просто потому, что я принадлежу к другой расе.

Стало ясно, что надо найти какой-то способ защититься от этих кретинов, и способ только один – раздобыть пушку. В школе мои друзья как-то завели разговор про чувака, который держал при себе оружие. Я спросил, где он его достал, и мне объяснили, что ему продал какой-то тип. Мне вспомнилось, как мочили моих корешей и сколько я натерпелся по пути домой, и я тоже решил завести себе ствол. Заиметь пушку – как нефиг делать, все равно что купить жвачку в алкашке на углу. Надо только иметь двадцать пять баксов. А мне было достаточно попросить у родителей денег на всякие школьные принадлежности. Легко, потому что на районе тех же денег, которых стоит рюкзак, хватит на ствол, патроны и, наверное, еще даже останется. На следующий день я встретился с корешами в сортире и разжился пушкой двадцать второго калибра и пачкой патронов. Запихал их в рюкзак и ушел.

Весь день в школе я только и думал что о своей пушке. Как мелкий пацан о блестящей новенькой игрушке. Уроки кончились, я двинулся домой. Возле своей остановки выглянул в окно и увидел, что меня уже поджидают. Помню, я тогда еще подумал: черт, снова-здорово. Напрягся, ладони взмокли. Открыл рюкзак, достал пушку, пристроил ее на поясе, медленно пошел к задней двери и стал ждать, когда ее откроют.

Не успел я выйти из автобуса, как ко мне прицепились. «Ну чё, *ése²?*» – «Погодь, тупорылый». Ниггеры гребаные. Я шел себе и шел. Глянул краем глаза и увидел, как один из них рванул мне наперерез. Раньше я бы дал деру, но на этот раз у меня был ствол. Я знал, что они уже близко, так что обернулся, нащупал мою пушку, вытащил ее и прицелился одному в голову. Он увернулся и удрал, и правильно сделал, потому что замочить его я не хотел. Остальные все еще шли за мной, но как увидели ствол, тоже побежали. Я спрятал пушку под ремень и пошел домой. Ничего особенного, день как день на районе.

На следующий день, когда я вышел из автобуса, меня никто не ждал. И потом еще несколько дней тоже. Я не знал, напугал я их или нет, но надеялся, что все получилось.

² Браток. Прим. пер.

Но мои надежды были недолгими: однажды по пути домой я увидел, как с противоположной стороны улицы какой-то тип несется на меня как бешеный. Мы сцепились взглядами, потянулись за оружием, выхватили его и начали стрелять одновременно. Нас разделяла только большая улица и несколько припаркованных машин. Все было как в кино, только в таком, где кровь у героев течет *настоящая*. Не помню, как я нажал спуск, – помню только, что стрелял и ждал, когда у того чувака кончатся патроны. Когда последняя пуля просвистела в воздухе, он исчез. Мы оба сбежали и после этого друг друга в глаза не видели.

Больше я никого не боюсь. Теперь у меня своя банда. Я защищаюсь. Я смог постоять за себя. Ствол до сих пор всегда при мне на всякий случай, и теперь мне не страшно пускать его в дело. Само собой, носить пушку и состоять в банде – значит нажить себе неприятностей, но ведь и принадлежать к другой расе тоже проблема, вот я и думаю, что лучше мне быть готовым ко всему. Столько дерьма в последнее время навалилось. Знаю только одно: следующим, кого прикончат, я быть не собираюсь.

Следующим, кого прикончат,
я быть не собираюсь

Дневник 6. Смерть друга

пару дней назад похоронили одного из моих друзей.

Похороны были обычными, как у всех. Родные плакали. Кто-то сказал: «Больше ни единого», его друзья клялись отомстить: «Око за око... Поплатится, сука».

Народу на похоронах было немного, но те, кто пришел, страшно гордились покойным. Все мы будем скучать по нему, но что мы могли сделать, чтобы он не погиб? Его закопали, а наша жизнь пошла своим чередом. Друзья больше не говорили о нем. Будто его и не было вовсе. Когда будет его день рождения, ему уже никто ничего не подарит. Только принесут цветы к нему на могилу. Вот и все.

До сих пор отчетливо помню тот вечер, когда умер мой друг. Я покупала конфеты в винном магазине. И никак не могла решить, каких мне хочется. А потом услышала выстрелы. Обернулась к двери и увидела, как двое моих друзей вбежали в магазин. Первый сразу бросился на пол, второй просто упал. Я посмотрела и увидела, как у моего друга изо рта и из спины течет кровь.

Не прошло и пары минут, как в магазин вбежали его мать и сестра. Я стояла перед стеллажом с конфетами и смотрела, как сестра моего друга упала на колени рядом с ним и обхватила его обеими руками. Она плакала и звала его по имени. Мать стояла за ней и смотрела, глаза у нее были огромными от шока. Слезы катились по ее щекам, она и не думала их вытирать. Просто стояла и не издавала ни звука. Как будто была парализована болью. У меня разрывалось сердце, пока я смотрела, как его мать стоит и не может помочь своему ребенку.

Уехала последняя полицейская машина, а люди из нашего района всё стояли у желтой ленты и глядели на обведенный мелом контур. Никто не уходил. Все говорили о «мальчике», которого увезли в машине скорой, только они многого не знали. Не знали, что он дружил со мной и что у него была впереди вся жизнь. Его застрелили за то, что он оказался не в том месте и не в то время. Я не слушала, что они говорили. Просто стояла и смотрела на кровь моего друга на полу. За всю свою жизнь он никому не причинил вреда. Как теперь быть его родителям? Как быть *мне*?

Становилось поздно, на следующий день мне надо было в школу. Я не знала, как наш район переживет смерть парня, который вырос у всех на глазах. Но понимала, что в эту ночь многие наши соседи лягут спать с мыслью: «Еще один...» И будут знать, что это повторится снова, может, опять кого-нибудь застрелят из машины – но когда? В любой момент это могло случиться со мной, могло случиться с кем угодно.

На следующий день я подняла рубашку и спрятала на себе ствол, который нашла в перелуке возле дома. Ненавижу холодное прикосновение металла к телу. От него меня передергивает, и дрожь напоминает, сколько жизней отнял этот ствол, но иногда по-другому нельзя. Я спешила на автобус и надеялась, что ствол не вывалится у меня из-за пояса. Я не боялась, что меня поймают с оружием, потому что школьное начальство обыскивало учеников только на

следующий день после расовых беспорядков. А так проверяют одного ученика из пятнадцати. Все, что мне требовалось, – не зевать, чтобы не упустить случай.

В школе я ничего никому не говорила. Я слышала, как идут разговоры о стрельбе, но никто не знал, кого застрелили. Никто не знал всех подробностей. Я вошла в класс за секунду до гадского звонка. Сразу прошла к своему месту и села. И никак не могла отделаться от этого кошмара – смерти моего друга. Так весь день и просидела, не сказав ни слова. Даже не записала, что задано на дом. Закрывала глаза – и видела его лицо. Я знаю, что оттуда, куда он попал, он наблюдает за мной. Когда придет мое время, я точно увижу его там. Надо только дождаться.

Мой друг не должен был умереть тем вечером. Он должен был по-прежнему быть здесь, веселиться и радоваться жизни с нами, остальными. Он не первая моя потеря и не последняя. Я уже лишилась множества друзей, которые погибли на необъявленной войне. Войне, которая длится здесь годами, но ее все равно не признают. Это война разных цветов кожи и рас. Война, которой никогда не будет конца. Война, где оставшиеся родные и друзья оплакивают погибших любимых. Для общества каждый из них – еще один убитый на углу, еще одна единица в статистике. А для матерей вся эта статистика не просто цифры. Они символизируют оборванные жизни, срезанные цветы. Вроде тех, которые когда-то положили на их могилы.

Дневник 7. Принятие в банду

и опять цветы еще на одну могилу и сигареты еще одному другу. Сейчас, когда столько моих бойцов умирают или попадают за решетку, похоже, придется нам приступить к вербовке. Только подходить к ней как можно придиричвее. Народ должен точно быть с нами, готов получить пулю или нажать на спуск, но дело того стоит. Легко отдать жизнь ради защиты и уважения корешей и баррио, на который мы претендуем... Того самого района, в котором мы родились, выросли и, надеюсь, будем похоронены. После того как мы наносим *los tres puntos*³ на запястье, начинает действовать закон джунглей: убивай или будешь убит. Неудивительно, что они называются *mi vida* лоса. Да, это самая что ни на есть сумасшедшая жизнь. И если влип в нее, то уже не выберешься. Порой я гадаю, знают ли они, во что ввязываются.

Всякий раз, когда я кого-нибудь принимаю к нам в банду, проводится обряд крещения: они отдают нам свою жизнь, а мы даем им новую. От них требуется только доказать, что они с нами. Неважно, парень ты или девка, тебе надерут задницу, и слабость показывать нельзя, иначе не пройдешь. И нам плевать, если загремишь в больницу, потому что, как только выйдешь, будешь считаться рядовым бойцом.

Помню, после того как меня приняли в банду, я провалялся в больнице больше трех недель. Отделался только переломом руки и ноги, хоть поклясться готов, что меня застали врасплох. Да еще ссадины и синяки были по всему телу. А глаза так заплыли, что не открыть, но дело того стоит. Для бойцов и для меня – определенно стоит. Рисковать жизнью, уворачиваться от пуль или получать их, жать на спуск.

Всё того стоит.

³ Три точки – татуировка, символизирующая культуру латиноамериканцев и гордость принадлежностью к ней. *Прим. пер.*

Дневник 8. Женский клуб: обряд посвящения

я сказала подругам, что вступаю в женский клуб, потому что это «вроде как прикольно». А маме объяснила, что делаю это ради «общественной работы», но вряд ли она купилась. Перед собой я пыталась оправдаться, что вступаю только потому, что мои подруги встают, а вообще-то мне нет дела до этого дурацкого клуба. Но вскоре я поняла, что отрицаю очевидное. Мне хотелось вписаться, как хочется всем первогодкам в старших классах. Кто откажется состоять в таком престижном клубе, как «Каппа-Дзета»? Это организация преимущественно для белых учениц: чирлидерши, девчонки из богатых семей и несколько из класса одаренных. Все девчонки в «Каппа-Дзета» одеваются так, будто сошли с рекламы Gap, у них идеальный маникюр, концы волос красиво подвиты. Все старшеклассницы в «Каппа-Дзета» – такая элита из элит, что, если они к кому-нибудь обращаются с просьбой, ее тут же бегут выполнять. Даже если для этого надо сделать что-нибудь страшно унижительное. Так что когда я получила флаер собрания по поводу вступления в «Каппа-Дзета», я даже не сомневалась, что пойду.

Сначала вступать было правда прикольно. Все в клубе держались дружески, надарили нам подарков и свитеров с эмблемой клуба, будто заманивали. Но потом новизна сгладилась, начались напряги. Члены клуба устроили традиционное собеседование – оно называется у них «Дознание». Впускали нас в комнату по двое и задавали самые нескромные вопросы, какие только можно представить. Пока мы с моей напарницей Сарой ждали своей очереди, мы видели, как предыдущие пары выходят в слезах. И вскоре поняли почему. К счастью, на мне почти нет грехов. Всем известно, что я правда стесняюсь и чуть в обморок не падаю даже *при виде* мальчиков. Так что когда нас начали расспрашивать о нашем сексуальном опыте, мне было нечего стыдиться. Но у Сары есть бойфренд-старшеклассник, а всем в клубе известно, чем «старшие» занимаются с девчонками-первогодками. Как только речь зашла о Джоше – Сара в слезы... Прямо разревелась, потому что знала, о чем ее спросят. Члены клуба могли посочувствовать ей или хотя бы перестать спрашивать про него, но нет – они как будто не замечали ее слез. Видимо, весь смысл дознания в том, чтобы выяснить, насколько крепки (или непрочны) клятвы при вступлении в клуб, вот ее и продолжали изводить личными вопросами и грубыми замечаниями. Им вообще не было дела, что они ее обидели. Они даже приготовили бейсболку с надписью «Шлюха», такие бейсболки должны были носить в школе девчонки, у которых есть парни. После «Дознания» многие передумали вступать в клуб, в том числе и Сара. Все говорили, что им родители не разрешили или что клуб дурацкий. Может, и так, но после ухода Сары все изменилось. Мы с ней перестали быть подругами. Так получилось само собой. Просто все мы вошли в «Каппа-Дзета», а она нет.

Как только все собрались, нам
велели лечь на землю
и „шкворчать как бекон“.

Все, кто остался в клубе, и я тоже, думали, что худшее уже позади. Мы даже не подозревали, что худшее еще только предстоит. Вечер посвящения был самым страшным, потому что речь шла про парней. Строго говоря, нами нельзя было командовать, но они все равно командовали. А нам приходилось слушаться. И если мы отказывались, это означало нарушение клятвы. На посвящение мне было страшно идти, потому что нам сказали приходиться в одежде, которую можно портить. В тот вечер мы встретились у фонтана в парке в восемь часов. Как только все собрались, нам велели лечь на землю и «шкворчать как бекон». Я думала: ладно, переживу, может, даже будет смешно. И я бы спокойно шкворчала себе как бекон, если бы не посмотрела вправо и не увидела мою подругу Шеннон. Ей, наверное, дали отдельные указания, потому что, пока мы все шкворчали, она встала на колени перед Дэвидом О'Нилом, популярным парнем из старшего класса. Я так и не поняла, что именно там творилось, но он держал перед собой что-то похожее на бутылку, а подруга, кажется, плакала. Потом она начала двигать головой вперед-назад, вокруг них толпилось хулиганье, она рыдала все сильнее, на нее орали. Я уже хотела броситься к ней на помощь и стала подниматься, как вдруг кто-то закричал: «Ты куда это, шалава? Кто тебе разрешил встать?» Это была одна девчонка из клуба. Тогда-то я и поняла, что вечер будет длинным. И надеялась только, что меня не заставят делать что-нибудь с парнем, как Шеннон.

Когда в тот вечер я вернулась домой, мама чуть не расплакалась. От меня несло пивом, которым меня обливали множество раз. Пиво в сочетании с сырыми яйцами, которые били об мою голову, невыносимо воняло. Во рту сохранялся блевотный вкус от пищевого красителя, с помощью которого члены клуба заставляли нас запоминать их имена, вся моя одежда и лицо были заляпаны зелеными пятнами. Нас заставили бегом проделать целую милю от парка до пляжа, так что я вся извалялась в песке и до сих пор не могла отдышаться. Только тогда я расплакалась. Но не от запаха и не от пятен на одежде, а потому, что выхода не было. Я столько вытерпела, что уже не имело смысла уходить. И потом, мне не хотелось оставаться совсем без друзей, как Сара. Я напонила себе, что скоро все будет кончено и со мной обошлись даже не так уж плохо, как с другими девочками. Я слышала, одной из нас пришлось лечь на землю, а старшеклассник Мэтт Томпсон, которого я раньше считала симпатичным, помочился на нее.

Теперь, когда я прошла посвящение и меня официально *приняли*, меня беспокоят только вечеринки и так далее. Все старшие девчонки пьют и по-настоящему тусуют. А я уже говорила, что на мне почти нет грехов. И я никогда ничего такого не делала. Но, наверное, в старших классах все пьют, так что это не так уж и плохо. Как-нибудь привыкну. Надеюсь. Пожалуй, если вспомнить, что было, игра стоила свеч. Всех этих унижений, стыда и неловкости... Да, оно того стоило. Теперь члены клуба снова стали дружелюбными, на вечеринки «Каппа-Дзета» меня пускают бесплатно. Все мы стали носить в школу наши клубные толстовки, ходить на собрания и так далее. Может, если бы мне пришлось сделать что-нибудь *в самом деле* плохое, я бы ушла из клуба, но вряд ли. Все сводится к тому, как далеко ты зайдешь, чтобы стать своей.

Дневник 9. Тэггинг

мисс Груэлл только что попросила нас нарисовать или описать словами наш район. Поверить не могу, что она разрешила мне рисовать. Интересно, знает ли она, как я ненавижу писать.

И свой район ненавижу. Он кишит гангстерами и наркоторговцами. Слишком многие возможности кажутся мне недостижимыми. К каким целям мне стремиться? Я не стремлюсь, потому что у меня нет никаких целей; вместо этого я довольствуюсь тем, что у меня есть. Я вырос в паршивом районе, потому и вынужден приспособливаться к тому, что происходит вокруг. Днем на улицах сплошные конфликты на расовой почве, по ночам слышны выстрелы из проезжающих машин, банды и наркоторговцы круглосуточно контролируют район, стараются удержать свою территорию. Не обращать внимания на это невозможно, иначе я только стану частью проблемы или следующей жертвой необъявленной войны, которая бушует на наших улицах.

Я заделался тэггером, потому что толкать наркоту, ширяться или бегать с бандами – это не мое. Вот я и начал разрисовывать стены маркерами или из баллонов. Оттягиваться с корешами, курить травку и страдать всякой другой херней. В школу-то я ходил, но учебники не открывал. Мои учителя всегда твердили: «Я здесь, чтобы помочь тебе», но когда приходит время, то помощи от них не дождешься, так что в школе я делаю то же самое, что и на улице. Каждый день приношу в школу маркеры. Прогуливаю уроки, прячусь от учителей, хожу в уборную, чтобы портить ее (разрисовываю стены). Кому какое дело, если меня поймают? Мама точно ничего не сделает, отец вечно замученный, не до того ему, чтобы читать мне нотации.

Тэггинг – вот от чего у меня захватывает дух. Шанс показать, на что я способен. Когда говорят про мои художества, это дает мне силы продолжать. Задания в классе я не делаю никогда, а чтобы убить время, рисую в блокноте, на раздаточных материалах, рюкзаке – на всем, что вижу. Я художник и люблю то, чем занимаюсь. Знаю, что порчу чужую собственность, но если слинял вовремя – от этого тоже захватывает дух. Покурить с корешами, а потом выйти и разрисовать стены – вот это по мне, день прошел не зря.

Дневник 10. Поправка 187: дискриминация

Дорогой дневник,

у всех только и разговоров, что о поправке 187 и об акции протеста, которая планируется сегодня в школе. Кто-то постоянно вопит: «Нет поправке 187!» Случалось видеть даже, как через весь двор летают урны для мусора и на переменах вспыхивают драки. Чем ближе акция, тем сильнее страсти.

НЕТ ПОПРАВКЕ 187!

Латиносы и афроамериканцы начали демонстративно уходить в знак протеста. Полиция была повсюду. Как будто мы совершили преступление, и теперь им позарез надо было караулить нас за школьной территорией. Кое-кого из учеников задержали, остальные ушли из школы в ближайший парк, где собирались старшеклассники из других школ.

А я решил не уходить. Вместо этого я смог выразить свои чувства там, где мой голос услышат и мое мнение ни за что не станут осуждать. В кабинете мисс Груэлл – вот где я мог выразить свои чувства, объяснить, как это событие затронуло меня. Обсуждение ситуации в классе здорово помогло. Мисс Груэлл написала на доске: «Поправка 187», и мы заговорили о том, как повлияет эта поправка на некоторые национальности.

Если она пройдет, правительство может лишить всех незаконных иммигрантов льготного медицинского обслуживания и исключить из других государственных программ, таких как школьное образование. Мне страшно, потому что это коснется конкретно моей семьи, ведь моя мама осталась здесь незаконно. Она приехала в Америку в поисках американской мечты. Такие иммигранты, как она, стремились в эту страну за безграничными возможностями, а теперь эти возможности стали для них ограниченными.

Кто-то в классе мисс Г. напомнил, что на языке полицейских кодов 187 означает убийство. Если поправка пройдет, она убьет все шансы преуспеть в жизни для таких потомков иммигрантов, как я.

Дневник 11. Дислексия

«еОМ ями нораА». Совершенно обычные слова для тринадцатилетнего патлатого пацана, а на самом деле мои глаза видят: «Мое имя Аарон». Я всегда умел читать задом наперед и просто думал, что и все остальные умеют. И даже писал наоборот. Для меня слово «кот» – это «ток», и я не вижу разницы. Мои школьные работы были сплошь исчерканы красным. Кем я был – тупарем или лентяем? Я считал себя тупым и сторонился остальных.

В пятом классе учительница всегда называла меня лентяем так, чтобы слышали все. И вечно вызывала меня читать перед всем классом. Она знала, что я плохо пишу, а читаю очень медленно. Все смеялись надо мной и дразнили тупым. А я ненавидел школу. С того года я больше не решался читать вслух, потому что до сих пор боюсь, что все будут смеяться и дразниться.

Я узнал, что со мной такое. У меня дислексия, значит нарушены способности к обучению. Мой мозг видит все по-другому, слова выглядят не такими, как для всех остальных. Моя мама знала, как я расстраиваюсь из-за школы, и смогла найти другую – для детей с дислексией. Наконец-то я встретил таких же детей, как я сам, и узнал, что не настолько я другой. Эта школа очень помогла мне: в ней меня научили, как читать и делать записи о том, что я читаю. Я разобрался, как выговаривать длинные слова, решать задачи по математике. Я так радовался, потому что наконец все понял и начал учиться. Читать я читал, но так, как это делают дислексики.

Но школа для детей с дислексией была всего на год, и я не знал, что будет, когда я пойду в старшие классы. Я понимал, что неглуп, но, может, надо мной снова начнут смеяться, а я не хотел, чтобы все повторялось заново.

Над теми, у кого все хорошо со спортом, смеются меньше. Бейсбол приносит мне счастье. Да, я не могу читать наизусть Шекспира, зато, если брошу бейсбольный мяч, он летит со скоростью 75–85 миль в час. Меня даже поставили первым бейсменом на первенстве Малой лиги. И я не мог поверить: те же ребята, которые смеялись надо мной и дразнили тупым, теперь болели за меня, когда я сделал гранд-слэм⁴ в игре Малой лиги. Представьте себе, как я удивился, когда узнал, что у моего кумира Нолана Райана тоже дислексия.

С мисс Груэлл я познакомился в первый же день в старших классах. Она мой учитель английского и чтения. Я многому научился у нее. Она не называет меня ленивым или тупым. Оказывается, читать бывает интересно. Иногда мне все еще трудно, но мои внутренности больше не завязываются в узел, когда я читаю вслух.

Мисс Груэлл поддерживает мою единственную настоящую любовь – спорт. Она рассказывала мне, что многие дислексики показывают отличные результаты в спорте, – там-то над

⁴ Удар, который приносит команде максимальное количество очков – четыре. Самый редкий в бейсболе. *Прим. ред.*

ними никто не смеется, как в школе. Теперь я знаю: если я буду как следует стараться и за партой, и в спорте, я добьюсь успеха и там и там.

Дневник 12. Центр временного содержания

последние дня два на уроках у мисс Груэлл мы читали книгу «Дуранго-стрит». Это про афроамериканского подростка по имени Руфус, которого только что выпустили из центра временного содержания для несовершеннолетних. Перед освобождением он пообещал инспектору, что не будет нарываться на неприятности.

Почти у всего класса есть с Руфусом что-то общее. Если кто-то не сидел сам, то сидел его родной или двоюродный брат либо друг. До того как я прочитал эту книгу, мне было стыдно, что я сидел в тюрьме. Я боялся, что мисс Груэлл осуждает меня за это. У Руфуса были нелады с бандой, которая называлась «Трепачи». Они вечно цеплялись к нему. И у меня в начале старших классов было то же самое.

Я ждал автобус после школы, когда подвалили трое таких вроде бы гангстеров. И начали обзывать. Меня взбесило не то, что они болтали. А то, что они прицепились ко мне, потому что решили, что я просто стерплю. Как по мне, так неважно, что все трое были здоровее меня. Мне надо было доказать, что они не имели права лезть ко мне только потому, что я меньше ростом, чем они.

Один замахнулся на меня и промазал – это он зря. Когда я почувствовал, как его кулак просвистел мимо моего лица, я прямо взбесился! И стал лупить его по голове! И остановился, только когда увидел, что глаза у него закатились, как у мертвого. Я не сознавал, что поступаю неправильно, пока не увидел мигалки полиции и скорой.

Полицейские отвели меня в кабинет завуча, чтобы составить протокол. Завуч позвонил, чтобы мои родители приехали в школу и забрали меня, но никого не было дома. Полицейский спросил, не может ли забрать меня кто-нибудь другой. Было некому. Тогда завуч спросили: «Хотите, мы заберем его в центр временного содержания для несовершеннолетних?» Завуч ответил: «Раз его родителей дома нет, пожалуй, так будет лучше».

В центре временного содержания мне стало страшно. Со мной обращались как с преступником. Даже сфотокали, как арестованного. Так я впервые угодил за решетку. Я был не похож на остальных людей, которые меня окружали там. В клетках, как звери, сидели убийцы, насильники, гангстеры, грабители. Страшнее всего была первая ночь. Отовсюду доносились звуки, которых я никогда раньше не слышал. Заключенные колотили в стены, понтовались вовсю, орали, кто они такие и откуда. Всю первую ночь я проплакал.

Только на третий день в центре у меня получилось связаться с родителями. Каждый день я думал об одном: когда же меня выпустят. В центре временного содержания я пробыл пять долгих и напряженных дней. Верно говорят: тюрьма – это не жизнь.

В клетках, как звери, сидели
убийцы, насильники,
гангстеры, грабители

Я вышел оттуда параноиком. Мне не хотелось ни выбираться из дома, ни тусить с друзьями. Я все еще чувствовал себя зверем в клетке. Через две недели после того, как меня отпустили, мне пришлось предстать перед судом. Судья дал мне три года условно и приговорил к одному месяцу и двум неделям общественных работ. Мне пришлось также выплатить парню, которого я избил, полторы тысячи долларов. С тех пор я ни разу больше ни во что не влипал. Как и Руфус, я полностью изменил свою жизнь.

Дневник 13. Неблагополучные районы

у мисс Груэлл потрясные методы преподавания. На уроках мы только что прочитали книгу «Дуранго-стрит», а теперь снимаем фильм по ней. Эта книга об афроамериканском подростке по имени Руфус, который выходит из центра временного содержания для несовершеннолетних, живет в неблагополучном районе и пытается разыскать своего биологического отца.

Когда мы узнали, что будем снимать кино, мы с другом оба захотели сыграть роль Руфуса. Мне захотелось побыть им потому, что я тоже из неблагополучного района и, как он, знать не знаю моего отца. Но я бы ни за что не додумался, почему мой друг, весь такой чистенький, для которого проблем вообще не существует, тоже хочет сыграть Руфуса. Сначала я думал: это потому, что он умеет играть. Потом я наконец спросил, что ему так приспичило. Он ответил, что просто так. Но я не поверил. Мне казалось, он что-то скрывает от меня.

В конце концов роль досталась мне, потому что мисс Груэлл считала, что у нас с Руфусом много общего. И хотя мой друг делал вид, что нисколько не расстроился, я понял: что-то тут не так. На следующий день я спросил, почему все-таки он хотел сыграть Руфуса. Сначала он не желал отвечать. Какое-то время мы шли молча, а потом он рассказал, как впервые увидел своего отца. Моему другу было тогда всего четыре года. Отец шел ему навстречу, одетый в оранжевый комбинезон с тюремным номером на груди. А за ним волочились тяжелые кандалы. Им не удалось даже поговорить – полицейские увели отца.

Я посочувствовал ему. Я же знаю, как это трудно – расти без отца. Наконец я понял, зачем ему нужно сыграть Руфуса. Через этого персонажа он хотел выразить свою боль. По злой иронии мисс Груэлл дала ему роль инспектора, под надзором которого находится Руфус.

С этим фильмом мы не только лучше поняли «Дуранго-стрит», но и много узнали друг о друге. Мы начали понимать, что на самом деле значат слова «не суди о книге по ее обложке». После того как мы показали наш фильм в других классах, многие ученики, которые раньше высмеивали нас за то, что мы коррекционный класс, начали спрашивать, как им перейти к нам.

После съемок фильма мисс Груэлл повела нас смотреть «Мечты о баскетболе»⁵ – документалку о двух парнях из неблагополучного района Чикаго, страстно увлеченных баскетболом. Они были прямо как персонажи из той книги, но что еще важнее – они были прямо как мы. Как и от Руфуса, от них большинство людей не ждали никаких успехов. Но они доказали, что все ошибались. Наверное, это просто значит: если ты по-настоящему увлечен, тебе под силу что угодно.

⁵ Оригинальное название Hoop Dreams. Прим. пер.

Дневник 14. Русская рулетка

на английском мы начали читать рассказ «Последний поворот»⁶. Это что-то. Никогда еще не читал в школе того, что имело отношение к моей жизни. Два главных героя – Тиго и Дейв – входят в соперничающие банды. Одна банда устроила стрельбу в магазине сладостей на территории другой банды. И вот вместо того, чтобы затевать войну в центре города, банды решают, что Тиго и Дейв должны разобраться один на один.

Тиго и Дейв уладили вражду, сыграв в русскую рулетку. За игрой они разговорились, поняли, что у них много общего и что играть в русскую рулетку, чтобы примирить их банды, глупо. Они решили крутануть барабан по последнему разу и закончить игру, потому что умирать никому из них не хотелось. Дейв сделал свой последний ход и передал револьвер Тиго. Но последний ход стал для него действительно *последним*. То, как глупо он погиб, напомнило мне, как умер один парень в моем районе.

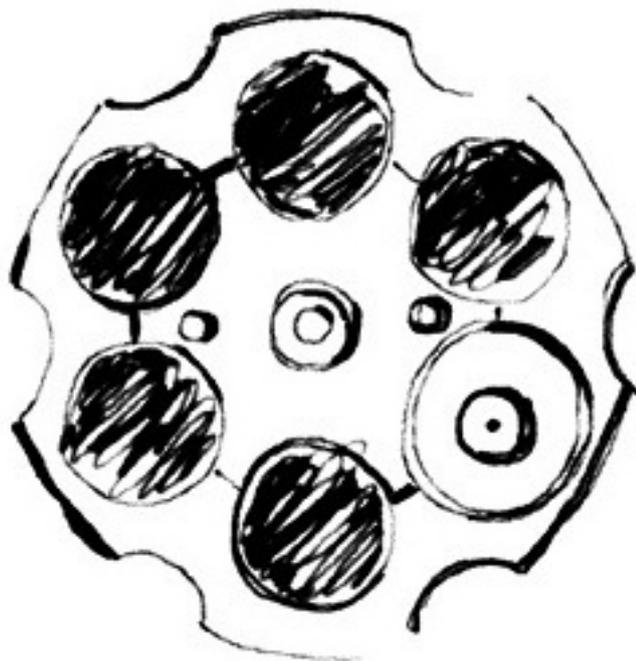
Четверо ребят из моего района зависали в чьей-то гостиной, один из них только что купил с рук ствол. Двое младших парней еще ни разу не прикасались к оружию, но все равно хотели поглядеть на него. Хозяин ствола отцепил его и отдал им. На их беду, он забыл поставить его на предохранитель и не проверил, не остался ли там последний патрон.

Один из парней, который раньше в глаза не видел ствола, схватил его. Другой попытался выхватить, завязалась драка. Внезапно раздался выстрел, пуля попала одному из них в лоб. Он умер на месте. Остальные в панике уставились на него. Один парень подобрал ствол и стер с него все отпечатки. Потом сделал так, чтобы отпечатки мертвого остались на оружии. Ни к чему не прикасаясь, они разошлись.

Полиция нашла труп, лужу крови и ствол. Свидетелей не было, поэтому решили, что он покончил с собой. Родители того парня знали, что их сын не был способен на такой радикальный поступок. Они не поверили полицейским, что это самоубийство. А парня, который держал в руках ствол в момент выстрела, с тех пор в районе никто не видел.

Я знал всех ребят, которые были там, когда тот парень умер. Он был чуть постарше меня. Я мало с ним общался, потому что он был задирой и запугивал меня. Вечно затевал драки с молодняком нашего района. Однажды и мне едва не перепало – к счастью, он отошел. Но хоть парень и был задирой, он не заслужил смерть, тем более когда просто дурачился.

⁶ The Last Spin. Прим. пер.

Первый учебный год, весна 1995 г.

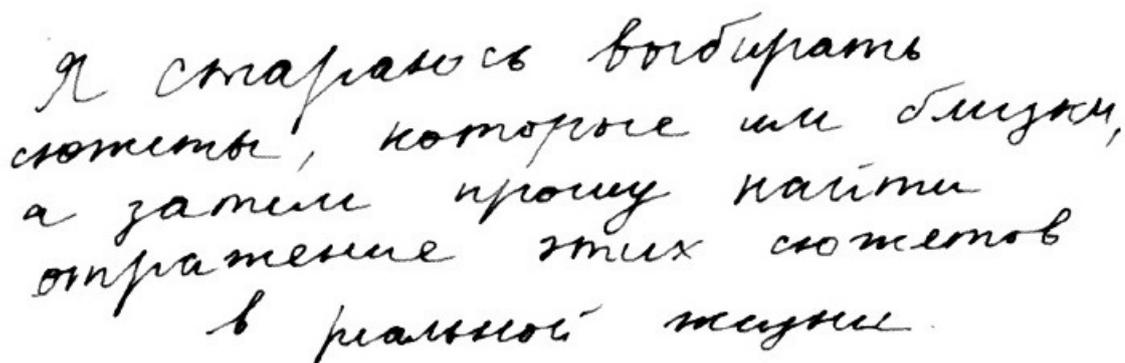
весна 1995

Запись № 2 / Из дневника мисс Груэлл

Дорогой дневник,

ух, как я зла! Весь семестр – одно испытание за другим: от расовых беспорядков до акций протеста. Но я не знаю, что меня злит сильнее – учащиеся или система. Хотя с учениками проблем не оберешься, но они еще дети. А система создана взрослыми. Система разобщает детей, потом их воспринимают как учеников «базового» класса, хотя на самом деле они какие угодно, только не «базовые». Во многих отношениях они незаурядны. Но несмотря на то, что с годами ярлыки меняются – класс «отстающих» становится «коррекционным», потом «базовым», – суть остается прежней. Как будто с этими детьми что-то не так с самого начала. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: если твердить детям, что они тупы, – прямо или иносказательно, – рано или поздно они в это поверят.

Я стараюсь выбирать сюжеты, которые им близки, а затем прошу найти отражение этих сюжетов в реальной жизни.

Как же они упрямы, прямо смех берет. Но и я тоже. Как аукнется – так и откликнется, верно? Моя карма неизменно преследует меня. Даже Шарод, который теперь заносчивый старшекласник, говорит: «Ну и паршивый вам достался класс первогодков, мисс Г.». Мне устраивают испытания на каждом шагу. Читать они терпеть не могут; о том, чтобы заставить их писать, и речи не идет. Домашние задания? Я вас умоляю! Быть «прилежным» вообще неприемлемо. Боясь издевательств, один ученик даже сдает задание, скомканное в шар, потому что его побьют, если он придет на урок с папкой.

Удивительно, насколько другой я сама была в старших классах. Оглядываясь назад, думаю, что меня наверняка считали подлизой. А эти ребята скорее отвесят пинка, чем станут ко мне подлизываться. Поверьте, яблоки на стол мне не кладут, а даже если бы и клали, то в них наверняка были бы спрятаны бритвенные лезвия.

Хоть многие поставили на них крест, я отказываюсь верить, что они совсем пропащие. Судя по тому, сколько народу собралось на вечер «Снова в школу», на них и некоторые родители махнули рукой.

Несмотря на то что их показатели по чтению недотягивают до уровня «развитых» в общепринятом смысле, они поразительно смышленные. Как только речь заходит о поп-культуре, они превращаются в ходячие энциклопедии: дословно цитируют реплики из любимых фильмов, наизусть и без запинки читают рэп с новейших дисков. Но когда я спрашиваю их, что такое «обособленное обстоятельство», они отвечают: «Обсос какой-то». Честно говоря, даже я терпеть не могу обособленные обстоятельства.

Мне кажется, важно опираться на то, что им уже известно. Я стараюсь выбирать сюжеты, которые им близки, а затем прошу найти отражение этих сюжетов в реальной жизни. Мы только что закончили читать повесть о парне из неблагополучного района, которому приходится терпеть давление со стороны сверстников и банд. Некоторые признались, что это первая книга, которую они прочитали от начала до конца. Им она так понравилась, что я предложила нам вместе снять маленький фильм. «Ребята по соседству»⁷ – реалистичное изображение среды, в которой они живут, и я подумала, что съемки фильма дадут им возможность пойти по стопам Джона Синглтона⁸. Я предоставила им полную свободу творческих действий, и они превзошли мои ожидания: написали сценарий, подготовили декорации, принесли реквизит, даже работали с камерой. И говорили, что это «улёт». В награду я повела некоторых из них смотреть документальный фильм «Мечты о баскетболе», поскольку и книга, и фильм наглядно показывают, каково это – взрослеть в городском сообществе.

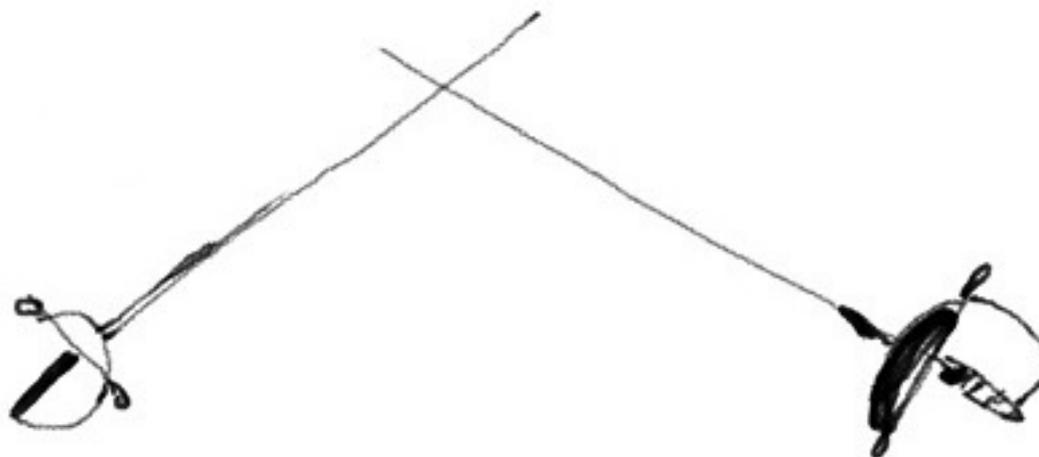
Я узнала, что у Джона Синглтона выходит новый фильм, исследующий расовые проблемы. Если я продержусь здесь до июня, пожалуй, поведу на него весь класс. Даже в классной комнате они неуправляемы – могу только представить, что будет в кинотеатре! Не знаю, сумею ли я справиться с ними одна. Но, может, и не придется. Кое-кто уже предложил мне помощь на выездных мероприятиях. Его зовут Джон Ту, он миллионер, который всего в жизни добился сам. Он услышал о расистской реакции на наш с детьми прошлогодний поход на «Список Шиндлера» и решил, что нас стоит поддержать.

Так что пушусь во все тяжкие, чтобы вправить им мозги. Я разрушу их представления обо мне в духе «Беверли-Хиллз, 90210», отправлюсь вместе с ними на передовую. Поскольку вскоре мне предстоит взяться за Шекспира, надо убедить их, что этот парень в колготках, который странно говорит, на самом деле «ничё такой». Надо показать, что у Шекспира найдется «что-то с чем-то» для каждого. Я собираюсь сделать из Монтекки и Капулетти современную

⁷ Оригинальное название *Boys'n the Hood*. *Прим. пер.*

⁸ Американский режиссер, сценарист и актер. В 24 года был номинирован на «Оскар» как лучший режиссер за фильм «Ребята по соседству», став первым афроамериканцем и самым молодым в этой номинации. *Прим. ред.*

братву. Они ведь были ОГ – как говорят ребята, «оригинальными гангстерами», и хотя язык, цвет кожи и сфера влияния разительно изменились за последние четыреста лет, сюжет все так же актуален.

Дневник 15. «Ромео и Джульетта»: вражда банд

мисс Груэлл всегда старается всему придать смысл. Вот сегодня мы должны были читать эту пьесу – «Ромео и Джульетта» – одного типа, который говорит так прикольно, всякие там «челяди» и «чресла», и вдруг она ни с того ни с сего как брякнет: «Капулетти – они как банда латиносов, а Монтеки – как банда азиатов». Че-го? На минуточку, читаем мы, как убивают парня по имени Меркуцио, а она как огорошит нас вопросом: «Вам не кажется глупой эта семейная вражда?» А я, как болван, купился и говорю: «А то!» Они же там и ногти грызут, и будто бы мечами машут. И тут уж она разошлась. Я опомниться не успел, как она принялась сравнивать те две семейки с враждующими бандами у нас в городе. Поначалу я думал: «Какого черта, что эта сучка смыслит в бандах?» Но когда она в самом деле назвала их – это было что-то.

Я понятия не имел, что она знает всю эту херню, которая творится в Лонг-Бич. Просто думал, выходит она из школы и рулит домой, в свою идеальную жизнь. Ей-то что? А она вдруг давай вопросы задавать, которые нам в голову вообще не залетали. Не кажется ли нам глупым, что латинская банда и азиатская банда вот так убивают друг друга? Тут я сразу заявил:

– Нет!

– Почему?

– Потому что это другое.

– Как это?

Когда ж она уймется-то, эта женщина!

– Да вот *так!* – мне не хотелось выставлять себя дураком перед всеми. Но чем больше я думал, тем яснее понимал: это и *вправду* глупо.

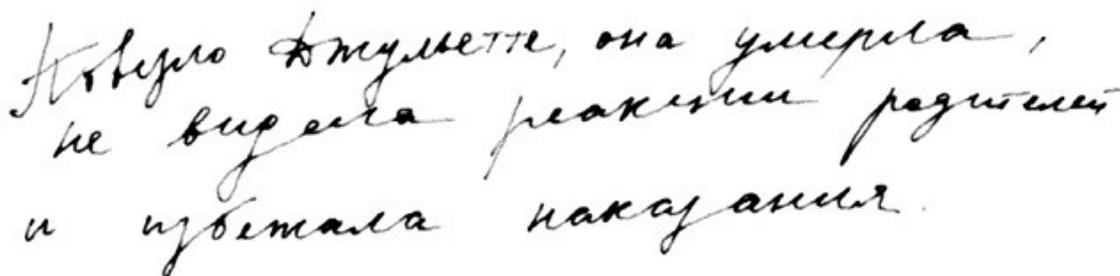
Глупо потому, что я даже не помню, из-за чего мы враждуем. Просто так повелось. Какого хрена она вечно лезет с вопросами? Загоняет в угол, пока не согласишься, что есть и другая сторона, когда на самом деле ее нет. Не помню даже, как все началось, но ясно же: если ты из одной семьи, надо быть преданным ей и стараться за нее отомстить. И точно так же ясно другое: если ты из латинобанды, тебе не по пути с азиатской бандой, а если ты из азиатской, к латиносам тебе нельзя. Вся эта вражда – скорее традиция. Кому есть дело до истории, которая за ней стоит? Кому вообще есть дело до хоть какой-нибудь истории? Просто две стороны столкнулись в прошлом и до сих пор не дают другим людям покоя из-за своих проблем. И тут-то я вдруг сообразил, что она права, – ведь точно же как в этой дурацкой пьесе. Так что хоть наши причины и глупые, но раз уж все продолжается, кто я такой, чтобы что-то менять?

Дневник 16. Подростковая любовь и побег

мы только что дочитали «Ромео и Джульетту». Мне не верилось, что Джульетта заколосась из-за парня, которого знала всего несколько дней. Наверное, я не так влюблена, как думала, потому что ради своего бойфренда никогда бы на решилась на такой бред.

Сначала, когда мы только начали читать эту книжку, я сравнивала себя с Джульеттой. Мы обе молоды и влюблены так, что не можем дня прожить без своего парня, только Джульетта влюбилась с первого взгляда, а мне понадобилось месяца два, чтобы вроде как влюбиться. И я тоже решила сбежать из дома в знак протеста против того, что родители не одобряли моего бойфренда. Но все вышло не так, как мы планировали.

Родители Джульетты нашли ее мертвой рядом с ее парнем. А мои, к несчастью, застали меня живой рядом с моим. Повезло Джульетте, она умерла, не видела реакции родителей и избежала наказания. А я была жива, и мои родители, в отличие от Джульеттиных, не расплакались и не раскрыли мне объятия. Когда они подъехали к дому моего бойфренда, мать вышла из машины первой. Она заглянула мне в глаза, и я поняла, как ей стыдно за меня. Затем она подошла к моему бойфренду и начала читать ему нотации. А отец приблизился ко мне и заорал. А потом неожиданно засветил мне в глаз. Дальше они с матерью поменялись местами. Мать схватила меня за волосы и потащила в машину, а отец кричал на моего бойфренда. Я упала, потому что на мне были высокие каблуки, а мать тащила меня слишком быстро. Она визжала: «*Levántate!*»⁹ «Туфля! Моя туфля упала!» – закричала я. Она подхватила мои туфли на платформе, я встала. Она втокнула меня в машину и начала бить моими же туфлями. Я закрывала лицо ладонями и чувствовала, как каблук царапает мне руки. Она остановилась, только когда отец сел в машину.

Когда мы приехали домой, мать продолжала вопить на меня: «*Eres tan estúpida por irte con un muchacho que ni siquiera conoces!*»¹⁰ Интересно, как бы реагировали на поступки их дочери

⁹ Вставай!

¹⁰ Ты такая глупая, что сбежала с парнем, которого даже не знала!

родители Джульетты и как отвечала бы сама Джульетта. Я просто ушла к себе, не сказав ни слова. Родители вошли следом. И все твердили, чтобы больше я не виделась с моим бойфрендом. Запретили мне всё. Нельзя пользоваться телефоном, ни с кем общаться и никуда ходить. Именно поэтому я сейчас здесь, в классе мисс Г.

Мать решила, что мне лучше перейти в школу рядом с ее работой – в другом районе, докуда не меньше часа от дома. Она думала, если будет возить меня в школу и забирать обратно, я не смогу связаться со своим бойфрендом и забуду о нем. Но ничего не вышло.

Совсем как Джульетта, я нашла способ видаться с моим бойфрендом. Я удираю с уроков и звонила ему с телефона-автомата на территории школы. Мать понятия не имела, что происходит, пока меня однажды не застукала родня. Моя тетя ехала в том же автобусе, что и мы с бойфрендом.

Матери было стыдно, что ее родственница видела, как я целуюсь с парнем в автобусе. Она не знала, что делать. Наконец родители решили, что нам с бойфрендом можно быть вместе, но при одном условии. Мы должны были дождаться, когда мне исполнится пятнадцать (в моей культуре это традиция: когда девушке исполняется пятнадцать, это значит, что она женщина, уже созревшая для серьезной ответственности). Так как я считала, что влюблена и готова на все, чтобы быть с моим бойфрендом и не прятаться от родителей, мы согласились подождать. И мы перестали видаться как раз перед тем, как в моем классе дочитали эту книжку.

Неприятно признавать, что родители все это время были правы. Как мы могли считать, что безумно влюблены, если у нас не было даже времени как следует узнать друг друга? Я была слишком мала и глупа, как Джульетта, чтобы влюбиться. К счастью, я не покончила с собой – никакого трагического финала, как у Ромео и Джульетты. Видимо, я не настолько отчаялась.

Дневник 17. Проблемы лишнего веса

сегодня на уроке мисс Груэлл мы играли в арахис. По правилам игры надо было взять лист бумаги и описать арахис вдоль и поперек. Я написала про арахис, что он маленький, круглый и грязный. А на оборотной стороне – что хоть с виду он и противный, на вкус потрясающий! Мы классифицировали арахис по внешнему виду. И я скоро поняла, что игра в арахис похожа на ситуацию с моим весом.

Однажды я ехала в школьном автобусе на самом дальнем месте. На нем никто не любил сидеть, оно всегда пустовало. И я услышала крики: «Эй, жирдяйка!», «Ну ты, корова!» Компания противных девчонок говорила мне такие гадости, которые я, двенадцатилетняя девчонка с «ожирением», буду, к сожалению, помнить всю оставшуюся жизнь.

«Нет, только не это! Пожалуйста, не надо больше!» – думала я, когда вставала, чтобы выйти из автобуса. Всю дорогу домой я старалась просто игнорировать этих девчонок, которые обзывали меня. Но я знала, что столкнусь с ними перед выходом из автобуса. Мне придется пройти по длинному тесному проходу между сиденьями и встретиться лицом к лицу с противными девчонками. Как только я встала, встали и они. Сгрудились и двинулись на меня, словно готовились напасть. Почему они срывали на мне злость? Что я им сделала? Вдруг ни с того ни с сего девчонки начали пинать меня и лупить кулаками. Все тело болело, я чувствовала себя беззащитной. И не отбивалась.

Они так старались, будто для них не было ничего важнее, чем увидеть, как мне больно. Последние несколько пинков были самыми сильными. Мне уже хотелось только одного – выбраться из автобуса живой. Мои друзья смотрели на меня во все глаза и надеялись, что я как-нибудь заставлю тех девчонок остановиться. Почему? Почему друзья не помогли мне? Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я сумела избавиться от этой пытки. Я выбралась из автобуса живой. И только подумала, что худшее уже позади, как девчонки высунулись в окно автобуса и плюнули в меня. Не могу поверить в это! Они плюнули мне в лицо!

Их слюна растеклась по мне, попала на шею, их микробы скопились у меня на лице, и это было мерзко. Я слышала, как зашуршала бумага, и они начали бросать в меня бумажными комками. Я прибавила шагу, автобус поехал своей дорогой. Вытирая лицо салфеткой, я еще слышала, как девчонки смеются. Потом они помахали мне рукой, и мой кошмар закончился.

Сегодня на уроке у мисс Груэлл я поняла, что арахис – это все равно арахис, даже если у него другая скорлупа. Одни ядрышки вкуснее, другие свежее, но все они – арахис. Слова мисс Г. «Не судите арахис по его скорлупе, судите по тому, что внутри нее» я поняла предельно точно. Если я знаю, что я человек, мне незачем беспокоиться, что говорят другие люди. В конечном счете все мы одинаковы!

Дневник 18. Уроки многообразия

Дорогой дневник,

дурацкая игра, никакой я не арахис! И какое на хрен отношение имеет к арахису мир во всем мире? Вот такие мысли вертелись у меня в голове, пока я пытался сложить головоломку из людей и орешков «Плантерс». В чем идея? Сегодня мы с мисс Груэлл не то что не на одной волне – на разных континентах. Поначалу я просто сидел, пытаюсь увязать любые две мысли, какие всплывали на поверхность, но так ничего и не добился.

И когда я уже был готов сдаться, чуть не ревел и очутился на грани помешательства, вдруг что-то возникло у меня в голове. Я вспомнил поговорку, которую однажды слышал: «Не вестник, а весть». И мой арахис начал постепенно принимать форму. Я не боялся, потому что при нем не было цилиндра, туфель для степа и привязчивого рекламного мотивчика. Вместо этого он начал обретать смысл, ставить цели, у него появились мечты и стремления. Прямо у меня на глазах ядрышки арахиса стали человеческими существами. Низкорослыми, высокими, толстыми, тонкими, разными на первый взгляд, но тем не менее это был арахис. Коричневый, черный, белый, желтый и всех промежуточных оттенков – и все-таки очеловеченный. Так почему же нам нет дела до особенностей арахиса, но мы готовы убить человека из-за цвета кожи?

Чем больше я об этом думал, тем больше эта идея ошеломляла меня. Я принялся размышлять о своей жизни, анализировать многочисленные столкновения с несправедливостью и дискриминацией. Странно это звучит, на грани иронии и абсурда – думать, что люди готовы клеймить и судить друг друга, но при этом полностью игнорировать арахис. По-моему, это одно из важнейших озарений, какие у меня бывали. Мир во всем мире остается недостижимой мечтой, потому что люди не позволяют себе и окружающим просто быть арахисом. Цвет кожи человека для нас важнее цвета его сердца, его убеждений и самооценки. Мы не позволяем ему быть простым, как арахис, – следовательно, лишаем свою жизнь гармонии.

Так почему же нам нет дела до особенностей арахиса, но мы готовы убить человека из-за цвета кожи?

Дневник 19. Теракт в Оклахоме

не могу поверить, что случилось в Оклахома-Сити. Один человек, разозлившись на правительство, лишил жизни 168 ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей. Тимоти Маквей решил выместить свою злость на других и подать всей стране тревожный сигнал. К сожалению, это был сигнал смерти.

Мисс Груэлл задала нам написать о том, что случилось в Оклахоме. Пока писал, я понял, насколько мы уязвимы для насилия. К сожалению, не все ученики Уилсон-Хай это поняли. Драки по-прежнему вспыхивают во время обеда, на переменах, на других уроках по дурацким причинам – когда, к примеру, кто-то проходит через компанию не таких людей, как он. Драки на почве расы или из-за чьей-нибудь манеры одеваться – просто невежество. Драки не устраняют проблемы, они только осложняют положение.

Каждый день нас окружает множество Тимоти Маквеев – иногда это люди, которых ты вообще не подозреваешь. Они как ходячие бомбы с часовым механизмом, ждущие своего часа, чтобы сработать, и когда наконец срабатывают, то последствия ужасны. Отсчет зачастую начинается с обидного замечания, способного спровоцировать взрыв.

Неважно, какой мы расы, этнической принадлежности, сексуальной ориентации, неважно, каких взглядов мы придерживаемся, – все мы люди. Но, увы, далеко не все люди так считают.

Дневник 20. «Прощание с Манзанаром»: лагеря для интернированных японцев

я ходила на экскурсию в Музей толерантности и на закрытый показ фильма «Высшее образование¹¹». Это фильм о лицемерии в нашем обществе и о людских предрассудках. Мисс Груэлл решила, что он имеет отношение к тому, что мы изучаем на уроках. После фильма мы прослушали выступления людей, которые преодолели трудности и добились успеха.

Из выступавших мне особенно запомнился японец Мас Окуи. Его семья приехала в Штаты за американской мечтой, но, когда японцы разбомбили Перл-Харбор, эту семью отправили в лагерь для интернированных. Внезапно подросток и его родные оказались «врагами». Маса увезли в лагерь Манзанар – тот самый, о котором мы читали в книге «Прощание с Манзанаром¹²».

Мас жил в бараке по соседству с автором этой книги Жанной Вакацуки, так что смог ответить на все наши вопросы о ней. Интернированные японцы держались вместе, и Мас сумел рассказать подробности о событиях, которые описывала Жанна.

Я страшно разволновалась, потому что впервые то, о чем я читала в книге, имело непосредственное отношение к моей жизни – ведь я азиатка, и во время войны в Камбодже меня насильно переселили в лагерь.

¹¹ Оригинальное название Higher Learning.

¹² Farewell to Manzanar.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.